

Ивашнёва Лидия Леонидовна

ЗАКОН ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ НЕСОВМЕСТИМОСТИ В ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ

В статье рассмотрены проявления фольклорного закона несовместимости одновременных сюжетных действий персонажей в разных топосах. Такая однолинейность композиции не предполагает параллелизма сюжетных линий. Между тем в отдельных сказочных типах о двух и более братьях-героях выявляется преобразование инвариантной схемы. В качестве примера предложен анализ волшебной сказки с тремя главными героями и самостоятельными сюжетными линиями. Своеобразие структуры текста создаётся сказителем на традиционной основе. Контаминация сказок способствует более полному освещению их героев.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/7-2/5.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 7(61): в 3-х ч. Ч. 2. С. 22-25. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/7-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

7. **Гомилия** [Электронный ресурс] // Азбука веры: православная энциклопедия. URL: <http://azbyka.ru/dictionary/04/gomilija-all.shtml> (дата обращения: 20.02.2015).
8. **Десницкий А.** Библия: текст и археология: лекция [Электронный ресурс] // Православие и мир. URL: <http://www.pravmir.ru/bibliya-tekst-i-arheologiya-lectsiya-andreya-desnitskogo-video/#ixzz3QggBef8O> (дата обращения: 03.02.2015).
9. **Жолудь Р. В.** Начало религиозной публицистики. Библия, апологеты, византийцы. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2002. 192 с.
10. **Забавникова Е. С.** Проповеднический текст в православной журналистике (на примере публикаций архиепископа Луки – профессора В. Ф. Войно-Ясенецкого в «Журнале Московской Патриархии» 1940-х гг.) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2014. № 4 (34): в 3-х ч. Ч. 3. С. 74-78.
11. **Звездин Д. А.** Православная проповедь как жанр церковно-религиозного стиля современного русского литературного языка (на примере текстов второй половины XX века): автореф. дисс. ... к. филол. н. Челябинск, 2012. 20 с.
12. **Климчукова А.** Православная проповедь в аспекте современной лингвистики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2005. № 4. С. 13-15.
13. **Кройчик Л. Е.** Публицистический жанр: природа и стратегия развития // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2013. № 2. С. 171-176.
14. **Кройчик Л. Е.** Публицистический текст как жанр и как дискурс // Акценты. Новое в массовой коммуникации: альманах / гл. ред. В. В. Тулупов. Воронеж, 2005. Вып. 3-4 (54-55). С. 11-16.
15. **Кураев А., протоиерей.** О Великом Посте: суть Великого поста [Электронный ресурс] // Православие и мир. URL: <http://www.pravmir.ru/o-velikom-poste/> (дата обращения: 01.02.2015).
16. **Малин И. И.** Современная православная проповедь как интертекст // Язык, культура и общество в современном мире: материалы междунар. науч. конф. / под ред. д. пед. н., проф. Б. А. Жигалева и др. Новгород, 2012. С. 189-190.
17. **Матушанская Ю. Г.** Социальная роль религиозного текста // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 11 (25): в 2-х ч. Ч. 2. С. 134-136.
18. **Посрамлять** (толкование понятия) // Даль В. Толковый словарь живаго великарускаго языка [Электронный ресурс]. URL: <http://slovardalja.net/word.php?wordid=31565> (дата обращения: 03.04.2016).
19. **Толкование на Евангелие от Луки** // Блаженный Феофилакт Болгарский. Благовестник: в 2-х кн. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2000. Кн. 1. С. 408-410.
20. **Толкование на Евангелие от Марка** // Блаженный Феофилакт Болгарский. Благовестник: в 2-х кн. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2000. Кн. 1. С. 263-264.
21. **Толкование на Евангелие от Матфея** // Блаженный Феофилакт Болгарский. Благовестник: в 2-х кн. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2000. Кн. 1. С. 57-59.

**EVANGELIC STORY AS AN ORGANIZING FACTOR OF ARCHBISHOP LUKA
(V. F. VOYNO-YASENETSKY)'S PUBLICISTIC SPEECH IN "MOSCOW PATRIARCHY JOURNAL"
(BY THE EXAMPLE OF PUBLICATION OF 1953)**

Zabavnikova Evgeniya Sergeevna

*Tambov State University named after G. R. Derzhavin
eva20038@yandex.ru*

The paper for the first time introduces into the scientific use the article by archbishop Luka (Professor V. F. Voyno-Yasenetsky) published in "Moscow Patriarchy Journal" in 1953. The author focuses on the esthetic specifics of this publication represented as the ancient Christian homily in the section "Articles". Evangelic story is considered as an organizing factor of publicistic speech. The researcher analyzes the arrangement of author's accents while interpreting the New Testament event – Jesus Christ's temptations in the desert.

Key words and phrases: archbishop Luka; Professor V. F. Voyno-Yasenetsky; "Moscow Patriarchy Journal"; article; publicistics; sermon; religious-predicant style; homily; evangelic story; Christ's temptation in the desert.

УДК 398.7

В статье рассмотрены проявления фольклорного закона несовместимости одновременных сюжетных действий персонажей в разных топосах. Такая однолинейность композиции не предполагает параллелизма сюжетных линий. Между тем в отдельных сказочных типах о двух и более братьях-героях выявляется преобразование инвариантной схемы. В качестве примера предложен анализ волшебной сказки с тремя главными героями и самостоятельными сюжетными линиями. Своеобразие структуры текста создаётся сказителем на традиционной основе. Контаминация сказок способствует более полному освещению их героев.

Ключевые слова и фразы: композиция; хронотоп в сказке; принцип однолинейности; структурный параллелизм; трансформация; творческая личность сказителя.

Ивашнёва Лидия Леонидовна, к. филол. н.
*Астраханский государственный университет
kafruslit@mail.ru*

ЗАКОН ХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ НЕСОВМЕСТИМОСТИ В ВОЛШЕБНОЙ СКАЗКЕ

Закон хронологической несовместимости (в сказке и эпосе) нескольких действий персонажей одновременно в разных местах – одна из важнейших особенностей фольклорного повествования. Эта структурная

закономерность предопределяет однолинейность сюжетного действия, которое ведёт главный герой нарратива, и отсутствие композиционного параллелизма. Данная универсалия фольклорной поэтики была открыта в восьмидесятых годах XIX века исследователями гомеровского эпоса. Ф. Ф. Зелинский пришёл к выводу о том, что «поэтическая техника Гомера знает только простое, линейное, а не двойное, квадратное измерение» [2, с. 106].

Автор отмечает общетеоретическое значение выявленной закономерности для исторической поэтики [Там же, с. 118]. Исследование Ф. Ф. Зелинского вносит существенный вклад в разработку проблемы возникновения литературы на фольклорной основе, в изучение переходных типов повествования. «Илиада» не героический эпос, как он известен в устной традиции. Однако создатель древнегреческой эпопеи знал и учитывал специфику композиции фольклорных эпических текстов. Закон «хронологической несовместимости» был сознательно проведён тем человеком, который создал Илиаду (sic!) в том виде, в каком она сохранена нам» [Там же, с. 119].

В XX веке указанная закономерность была актуализирована В. Я. Проппом применительно к композиции волшебной сказки и былины. Исследователь увязывает вопросы эпического сюжетосложения и хронотопа. Сюжет развивается «по движению героя» и связан с окружающим его эмпирическим пространством. «То, что происходит за пределами этого пространства, не может стать предметом повествования. Поэтому в фольклоре нет и не может быть двух театров действия в разных местах одновременно» [6, с. 92]. Согласно канону волшебной сказки главный герой ведёт единую сюжетную нить нарратива. Он является истинным героем, «стержневым персонажем» (термин А. И. Никифорова) – в соответствии с законом «композиционного стержня, каким является герой» [5, с. 315-316]. Этот закон был сформулирован учёным в статье «К вопросу о морфологическом изучении народной сказки» [Там же, с. 313-318]. Наблюдения А. И. Никифорова углубляют научные представления о ключевой роли главного героя в структуре сказки.

Как известно, другие братья чаще всего являются ложными героями, второстепенными персонажами. Старшие братья ассимилируют функции антагонистов. Они завидуют удачливости, чудесным умениям младшего из братьев, стремятся присвоить его подвиги, способны на убийство. Тем самым ложные герои создают контрастный фон для выделения положительного центрального персонажа. Большинство волшебных сказок с тремя братьями имеет именно такую расстановку действующих лиц и устойчивую композиционную схему.

Между тем есть примеры отступления от указанных закономерностей. В частности, повсеместно записаны популярные у восточных славян сказки о двух братьях, одинаковых по нравственным качествам и способности к подвигам. В «Сравнительном указателе сюжетов: восточнославянская сказка» (СУС) [7] они представлены сюжетными типами СУС 303 = К 300; СУС – 303*; СУС 567. Сказки повествуют о братьях, положительных героях, действующих как вместе (заодно), так и в разных пространствах фольклорной картины мира, где каждый герой ведёт свою сюжетную линию.

Например, в сказке «Ворон и ворониha» из сборника «Народные сказки Нижней Волги» объединяется несколько сюжетов волшебных и бытовых сказок [4, с. 175-180]. В этой оригинальной контаминации доминирует сюжетная линия о двух героях-братьях (СУС 567 «Чудесная птица»), равных с точки зрения их роли в повествовании и в семиперсонажной схеме сказки. Сказка то уводит братьев в разные пространства, то вновь соединяет своих главных героев, осложняя ядерный сюжет контаминацией.

Большой интерес представляет сказка «О трёх искусных братьях» с тремя параллельными линиями [Там же, с. 135-141]. Текст не имеет прямых соответствий в указателе сюжетов восточнославянской сказки. Однако не очень близкие аналоги выявляются, например, в сборнике еврейской народной прозы в «Сказке о четырёх братьях» [1, с. 24-29] (международный сюжетный тип по указателю Аарне-Томпсона 653 «Четыре умелых брата»). В астраханской версии данного сюжета обращают на себя внимание своеобразный хронотоп и оригинальная композиция текста, ассимиляция волшебной сказкой жанра притчи и органичность контаминации.

Благодаря объединению сюжетов о «хитрой науке» и о спасении царевны сказочное повествование получает традиционную развязку: свадебный пир и воцарение героя. В сказке «О трёх искусных братьях» две завязки сюжетов оформляются и по типу нехватки «диких ремесел», отсутствия у героев чудесных умений, и по типу беды (смертельный недуг царской дочери) во втором сюжете, где братья добывают живую воду и исцеляют царевну. Мотивы приобретения братьями чудесных навыков устойчивы и в то же время самобытны. Своеобразие их интерпретации в данной сказке определяется также включением пословиц-советов отца: «не та красавица, которая красива, а та, которую полюбишь»; «у кого отведать хлеба-соли, не будь тому соперником»; «от утренней еды откажешься – вечерней не ожидай» [4, с. 135].

Наказы-изречения являются важными структурными элементами текста. На этапе выполнения братьями трудных задач, своего рода «выпускных испытаний», они разворачиваются в оригинальные вставные эпизоды (мини-сюжеты). Элементы притчи, мудрые советы и предостережения второстепенных персонажей типичны для народной сказки. Между тем в сюжете «О трёх искусных братьях» они функционально тождественны роли волшебных помощников главных героев. Память о наставлениях отца, умение применить их к конкретной ситуации (то есть «приткнуть» к месту притчу) оказываются тем главным знанием, без которого братья не смогли бы вернуться домой. Иносказательное значение пословичных изречений проясняется в трёх параллельных сюжетных ходах об испытаниях героев. Они различаются между собой объемом текста и мерой сложности трудных задач. Вместе с тем все они раскрывают метафорический смысл данных пословиц.

Приобретённые героями умения, «дикие ремесла» соответствуют мифологической основе волшебной сказки и законам её эстетики. Старший брат Гаврила может «воду заговаривать и пройти по ней, как по суху» [Там же, с. 139]. Средний брат Демьян научился «любую птицу по свисту крыльев убить, лишь маленькой точечкой её в небе заметив» [Там же]. Данила, младший из братьев, тоже сообщает отцу о своём мастерстве:

«От одного моего знака земля раскроется, меня скроет, а потом невредимым выпустит!» [Там же]. В завершающей части первого сюжета А. П. Доронина вводит важные детали, не отмеченные у других сказителей. Вернувшись домой, «обучились братья и другим ремёслам. Стал один пахарем, другой – кузнецом, третий – рыбаком. Но и своих диковинных ремёсел не забыли братья» [Там же]. Тем самым сказочная фантастика органично соединяется здесь с элементами реальной действительности. Эпизод отражает народную аксиологию, представления об истинных жизненных ценностях, о необходимых человеку профессиях. Он, несомненно, является примером индивидуальной творческой манеры А. П. Дорониной.

Присоединение сюжета о спасении царевны, о её исцелении живой водой на имплицитном уровне текста мотивировано необходимостью ввести эпизоды женитьбы героев, обязательной с точки зрения «морфологии сказки» (В. Я. Пропп). Благодаря контаминации все братья получают также возможность применить к делу свои «диковинные ремёсла». Герои сказки действуют объединёнными усилиями, без чудесных предметов и помощников (подобно былинным богатырям, но в отличие от них – с помощью волшебства). Функции помощников сосредоточены в самих героях, в их чудесных умениях.

В структуре сказки о трёх братьях оригинален и в то же время каноничен образ дарителя. Старичок появляется «словно из-под земли»: «сам с вершок, а борода – пять аршин». Он снабжает героев-искателей знанием, «как живую воду добыть» [Там же, с. 140]. Эта трудная задача осложняется тем, что поток живой воды падает с неприступной горы в озеро с мёртвой водой. Даритель предупреждает братьев: «И до потока с живой водой никак не добраться. Лишь кто коснётся мёртвой воды – в камень превращается. Охраняют ту живую воду две чёрные птицы. Они на крыльях своих по белу свету мёртвую воду носят, на людей сбрызгивают, а люди обращаются в глыбы каменные. Много бед от тех птиц» [Там же]. Кульминация второй части сказки, согласно канону, выделена троекратным повтором в развитии действия. Однако основное испытание (Е. М. Мелетинский) в решающем поединке со злом перераспределено на трёх братьев. Трудная задача трижды усложняется для всех героев, действующих сообща.

В повествование вводится ещё одна трудная задача: оживить тех людей, «кто от мёртвой воды окаменел» [Там же]. Уместно провести аналогию с былинной «Добрыня и Змей». Богатырь выполняет поручение князя Владимира вернуть похищенную Змеем Забаву, племянницу князя. Однако Добрыня попутно совершает свой главный подвиг, достойный призвания былинного героя: он освобождает «олоны русские». А братья в сказке, спасая царевну живой водой, оживляют по просьбе «дарителя» множество окаменевших людей. Тем самым социально-нравственный смысл их подвига выходит за рамки семейных отношений. В современной трактовке сказочных сюжетов совершенствуются представления об истинных умениях и настоящих подвигах.

Отмеченные смысловые и структурные преобразования осуществляются творческой силой сказителя А. П. Дорониной на традиционной основе. Кстати сказать, в развязке сюжета особо выделен младший брат: именно он женится на спасенной девушке, воцаряется и не забывает отца и братьев. Сказка заканчивается оценкой его царствования: «И не было в тех краях царя добрее и справедливее» [Там же, с. 141]. Следует также отметить, что кульминационные испытания в первой части сказки, где сюжетные линии развиваются параллельно друг другу, тоже выделяют младшего из братьев.

Все герои рисковали навсегда остаться в подчинении у своих учителей, были предупреждены об этом и выдержали итоговые испытания. Между тем лишь младшему брату грозила гибель, подстроенная его наставником, «каменным человеком». Контаминация логически и художественно оправданна. Вместе с параллельными сюжетными линиями и вставными эпизодами она углубляет, всесторонне раскрывает образы главных персонажей и подчеркивает духовно-нравственный смысл произведения.

Закон хронологической несовместимости как «художественное проявление принципа однолинейности» в сказке и примеры его нарушения освещаются в статье Г. А. Комлевой «О композиции волшебной сказки» [3, с. 110]. В сказках о чудесном супруге, в эпизоде временного разлучения героя и его суженой, автор фиксирует появление двух пространственно-временных рядов событий. Сравнительно-типологический анализ текстов отражен в таблицах статистических данных. Они подтверждают выводы Г. А. Комлевой. График частотности модификаций в хронотопе волшебной сказки наглядно свидетельствует о том, что наиболее существенные нововведения в композиции сказки приходятся на 30-40-е годы XX века.

В современной научной парадигме проблемы сюжетосложения и структурных трансформаций сказочных текстов занимают далеко не ключевые позиции. Зачастую сложно определить, что в композиции волшебной сказки и в организующем её хронотопе является наиболее архаичным, что именно следует считать новообразованиями. Не вполне ясно, какие модификации текста обусловлены воздействием литературной традиции. Важно тем не менее, что проблемы творческих преобразований в народной сказке, её взаимодействия с другими жанрами фольклора и литературы обсуждаются современными исследователями народной духовной культуры.

Список литературы

1. Еврейские народные сказки, предания, былички, рассказы, анекдоты, собранные Е. С. Райзе / составление и предисловие В. Дымшица. СПб.: Симпозиум, 2000. 493 с.
2. Зелинский Ф. Ф. Закон хронологической несовместимости и композиция «Илиады» // Сборник статей по филологии и лингвистике в честь Феодора Евгеньевича Корша. М., 1896. С. 101-121.
3. Комлева Г. А. О композиции волшебной сказки // Фольклористика Карелии. Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 1993. С. 109-121.
4. Народные сказки Нижней Волги / ред., подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. Л. Л. Ивашёвой. Астрахань: Изд-во АГПУ, 1999. 221 с.

5. Никифоров А. И. К вопросу о морфологическом изучении народной сказки // Никифоров А. И. Сказка и сказочник / сост., вступит. ст. Е. А. Костюхина. М.: ОГИ, 2008. С. 313-318.
6. Пропп В. Я. Фольклор и действительность // Пропп В. Я. Фольклор и действительность: избранные статьи. М.: Наука, 1976. С. 83-115.
7. Сравнительный указатель сюжетов: восточнославянская сказка / сост.: Л. Г. Бараг, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л.: Наука, 1979. 438 с.

THE LAW OF CHRONOLOGICAL INCOMPATIBILITY IN A FAIRY TALE

Ivashneva Lidiya Leonidovna, Ph. D. in Philology
Astrakhan State University
kafruslit@mail.ru

The article considers the manifestations of the folklore law of incompatibility of simultaneous plot actions of characters in various topoi. Such single-line nature of the composition doesn't assume the parallelism of plotlines. However, in separate fairy types about two and more brothers-heroes the transformation of an invariant scheme is detected. The analysis of a fairy tale with three main characters and independent plotlines is proposed as an example. The peculiarity of the text structure is created by the narrator on the traditional basis. The contamination of fairy tales contributes to a more complete illustration of their characters.

Key words and phrases: composition; chronotopos in a fairy-tale; principle of single-line nature; structural parallelism; transformation; creative personality of a narrator.

УДК 8; 821.112.2

В статье исследуется феномен отчуждения личности в обществе на примере романа малоизвестного в отечественном литературоведении немецкоязычного автора Ф. Фюмана «Прометей. Битва титанов» (1974). Автор подчёркивает актуальность данной проблемы в современном обществе и акцентирует внимание на особенностях её реализации в образе главного героя романа – Прометея, что становится возможным в результате анализа психологической составляющей феномена отчуждения. В ходе работы выявляются цели использования эффекта отчуждения в романе, художественные средства, позволяющие писателю достичь поставленных целей, а также предлагаемые им пути преодоления отчуждения личности в обществе.

Ключевые слова и фразы: отчуждение личности; противоречие; деформация властных структур; манипулирование; психологизм; позиция наблюдателя; изоляция.

Овчарова Светлана Владимировна, к. филол. н.

Скворцова Мария Львовна, к. филол. н., доцент

Магнитогорский государственный технический университет им. Г. И. Носова
alexis-1@yandex.ru; mskvor@mail.ru

ОТЧУЖДЕНИЕ ЛИЧНОСТИ В РОМАНЕ Ф. ФЮМАНА «ПРОМЕТЕЙ. БИТВА ТИТАНОВ»: ЦЕЛЬ, СРЕДСТВА И ПУТИ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Феномен отчуждения личности достаточно широко известен в истории мировой философской и литературной мысли. Впервые к этой проблеме обращаются в XVII веке на фоне заметной интенсификации социокультурного развития и общего уровня зрелости основных государственных и общественных институтов. Одними из первых на феномен отчуждения обращают внимание английский философ Т. Гоббс [4]; немецкий поэт, философ и драматург И. Ф. Шиллер [21]; представители немецкой классической философии И. Г. Фихте [15], Ф. В. Шеллинг [20], Г. В. Гегель [3], Л. Фейербах [13]. Позднее различные аспекты данного феномена исследовались также в работах Э. Дюркгейма [7], О. Шпенглера [22], М. Вебера [2], Г. Зиммеля [8], А. Швейцера [19], В. А. Соловьёва [12], С. Л. Франка [16], К. Ясперса [23], Ж.-П. Сартра [11], Э. Фромма [17], Г. Маркузе [10], Х. Арндт [1] и др. Учитывая столь серьёзную исследовательскую базу проблемы, нужно отметить, что феномен отчуждения личности не только не утрачивает свою актуальность в современных условиях, но и становится «одним из ключевых понятий в характеристике взаимоотношений человека и общества» [9, с. 1].

Отчуждение в философской науке понимается как «объективный социальный процесс, присущий классово антагонистическому обществу и характеризующийся превращением деятельности человека и её результатов в самостоятельную силу, господствующую над ним и враждебную ему» [14, с. 472]. Отчуждение имеет целый ряд причин и, соответственно, может проявляться в различных формах. В самом общем случае оно находит своё выражение в «господстве овеществленного труда над трудом живым, в превращении личности в объект эксплуатации и манипулирования со стороны господствующих социальных групп и классов, в отсутствии контроля над условиями, средствами и продуктом труда» [Там же]. Весомой составляющей феномена отчуждения является его психологический аспект – отражение и преломление состояния отчуждения, отверженности в сознании индивида, а именно, «разрыв между ожиданиями, желаниями человека и нормами, предписываемыми антагонистическим социальным порядком, восприятие этих норм как чуждых и враждебных личности, чувство изоляции, одиночества, разрушение норм поведения и т.п.» [Там же].